

Ядовитое кино

Автор:

Валерий Шарапов

Ядовитое кино

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

1950 год. В окрестностях Пскова планируются съемки исторической кинокартины. Но в первый же съемочный день происходит трагедия: прямо на площадке умирает, отравленный ядом, режиссер фильма. Следствие поручено начальнику оперативного отдела майору Павлу Звереву. Он опрашивает свидетелей и выясняет, что практически у всех актрис киногруппы был серьезный повод посчитаться с любвеобильным гением. Однако, эта версия отменяется новыми убийствами, которые последовали вслед за первым. Зверев приходит к выводу, что убийца – вовсе не обиженная актриса, а расчетливый и хладнокровный душегуб...

Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Валерий Шарапов

Ядовитое кино

Иллюстрация на обложке Алексея Дурасова

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

г. Псков, июль 1950-го...

О том, что в городе будут снимать сцены для нового фильма об осаде Пскова войсками польского короля Стефана Батория[1 - Стефан Баторий – король польский и великий князь литовский (1533–1586 гг.)], не раз писали в газетах, так что Катя Колесникова прекрасно знала о предстоящих съемках, и это до поры ее особо не интересовало. Однако вчера, когда Кате позвонила ее лучшая подруга Зинуля Резванова и сообщила, что несколько часов назад в город приехал сам Качинский и что именно он возглавит съемки, молодая женщина почувствовала, что ее сердце бешено заколотилось. Возможность увидеть легендарного режиссера за работой – это же что-то немыслимое, такое пропустить нельзя!

Зинуля Резванова, придерживаясь на этот счет аналогичного мнения, откуда-то узнала, что съемки начинаются завтра, и авторитетно заявила, что любая уважающая себя современная женщина просто не вправе пропустить столь значимое событие.

Всеволод Качинский – заслуженный деятель искусств и лауреат Сталинской премии первой степени, сыскавший в мире отечественного кинематографа славу «второго Эйзенштейна», прошедший нелегкий путь от немого кино до современных звуковых полнометражных кинокартин, заслужил не только

любовь зрителей, но и стал автором ряда работ по теории современной кинематографии.

Одна только возможность увидеть Качинского за работой заставила Катю тут же забыть о всех прочих делах, уговорить свое начальство на вполне заслуженный отгул и на следующий же день отправиться на место предполагаемых съемок.

Договорившись с Зинулей о предстоящей встрече в районе Троицких ворот Псковского кремля, где должны были начаться съемки, Катя, немного подумав, позвонила мужу и настоятельно попросила выкроить время, чтобы тот составил им компанию.

Как того и следовало ожидать, ее драгоценный супруг старший лейтенант Псковского управления милиции Венечка Костин не выказал ни малейшего желания сопровождать Катю и вместе с ней стать очевидцем столь значимого и масштабного проекта. Выслушав предложение и сославшись на свою обычную занятость, Веня пожелал им с Зинулей хорошего отдыха и самым бессовестным образом повесил трубку. Катя нахмурилась и тоже бросила трубку.

Однако она тут же схватила ее снова, крутанула диск телефона, но, немного поразмыслив, все-таки не стала перезванивать. Катя медленно положила трубку на рычаг и клятвенно пообещала, что заставит мужа горько пожалеть об этом неосмотрительном поступке в самое ближайшее время...

На следующий день у Троицких ворот...

Уже в половине девятого со стороны Довмо?нтова города к кремлю потянулся народ. Мужчины и женщины, дети и старики, надевшие в честь предстоящего события свои самые лучшие наряды, шли сегодня к главным воротам Псковского кремля как на праздник. Прибывшие посмотреть на съемки люди собрались вдоль натянутых по периметру красных лент, бурно обсуждали предстоящее событие, смеялись и махали красными флажками. Часть предназначенного для съемок и поросшего сочной зеленью открытого участка перед городской стеной еще с раннего утра была оцеплена военнослужащими местного пехотного полка. Это была лишь малая часть военных, которым предстояло обеспечивать предстоящее событие.

Одна из подруг Зинули Резвановой, чей муж проходил службу в вышеназванной воинской части, сообщила ей, что по приказу своего командира едва ли не весь личный состав полка сегодня будет играть роль статистов. Так что, по словам Зинули, сегодня им с Катей, как и еще доброй тысяче собравшихся у Кремля зевак, предстоит стать участницами настоящего костюмированного парада.

Когда вдалеке показались первые всадники, гул толпы заметно усилился. Восхищение и почти детская радость переполняли людей, глазевших на гарцующих рысью лошадок и, само собой, на их разряженных во всяческие причудливые одежды всадников.

Знаменитые летучие гусары короля Стефана – элитная кавалерия Королевства Польского шла в авангарде разноплеменного европейского войска, открывая этот своеобразный военный парад. Закованные в панцири, с пиками и саблями, гусары гарцевали на мощных конях, плавно покачивая импровизированными орлиными крыльями за спиной. Вслед за польскими гусарами показались венгерские и румынские конники в красных и зеленых кафтанах, в шапках с павлиньими перьями и попонами из леопардовых шкур. За ними тяжелым галопом проскакали едва ли не полностью закованные в доспехи немецкие рейтары. Вслед за немецкой кавалерией под гром барабанов, ревом труб и тамбуринов двигалась многочисленная пехота короля Стефана: литовцы, венгры, валахи, наемники из Франции, Германии и Шотландии – все это разноплеменное войско, которое когда-то сумел собрать под свои знамена амбициозный польский король, решивший во что бы то ни стало захватить и разорить очередную русскую твердыню – древний город Псков.

Несмотря на все великолепие польско-литовского войска, когда на смену «иноземцам-захватчикам» появились менее напыщенные и не такие разукрашенные воины московского царя Ивана Васильевича, зрители вновь воспарили, снова загалдели и заулюлюкали. Кое-где даже прозвучало громогласное русское «Ура!».

Всадники поместной конницы в остроконечных шлемах и кольчугах; царские татары на коротконогих косматых конях со щитами и луками; казаки в стеганых тегилях, с пистолетами и саблями на боку промчались в сторону крепости непринужденной рысью.

Завершало процессию войско царских стрельцов. В красных кафтанах и мохнатых шапках, неся на плечах тяжелые мушкеты и опираясь на бердыши,

они шли широким походным шагом, волоча за собой несколько легких бутафорских пушек.

Когда статисты исчезли за городской стеной, толпа на какое-то время приутихла, но после появления двух черных автомобилей «ЗИС» и грузового фургона цвета хаки снова оживилась.

Когда первая машина поравнялась с линией оцепления, кто-то выкрикнул единственное слово: «Качинский!» Зеваки подались вперед и вновь стали размахивать флажками. Немалую радость ощутили присутствующие, когда все три машины не въехали в ворота, а остановились возле них.

Когда из первого автомобиля вышли две хрупкие женщины и круглолицый очкарик в мешковатом костюме, Зиночка, стоявшая справа от Кати, тут же схватила подругу за руку:

– Кто это?

Стоявшая слева от Кати пергидрольная блондинка неопределенного возраста в темно-синем платье и соломенной шляпке тут же пояснила:

– Та, что в очках и берете, – Софья Горшкова, помощник режиссера! Рыженькая с косичками – Анечка Дроздова, его ассистентка...

– Сколько же ей лет? – удивилась Зинуля. – Она на школьницу похожа.

Блондинка в темно-синем усмехнулась:

– Зря вы так! Эта ваша так называемая школьница уже успела окончить ВГИК и смогла кое-чего добиться в кино. Если я не ошибаюсь, она с Качинским уже третью картину снимает.

Когда круглолицый очкарик подошел к помощнику режиссера Софье Горшковой и стал с ней что-то оживленно обсуждать, Катя не выдержала и спросила:

– Ну, а мужчина этот кто? Сложно представить, что это сам Качинский. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь! Фамилия этого деятеля кино – Уточкин... Дмитрий Уточкин! Он оператор, сами посмотрите.

Очкарик тем временем еще что-то сказал Горшковой, потом обошел машину и вынул из багажника массивную камеру.

Тем временем из грузового фургона выскочили трое крепких мужчин в серых халатах и стали выгружать аппаратуру. Уточкин тут же устремился к ним и, неуклюже размахивая руками, принялся руководить процессом. При этом из второго «ЗИСа» вышел высоченный, крепкого вида бородач в коричневом костюме, расправил плечи и закурил.

– А вот это, наверное, и есть Качинский, – тут же сделала вывод Зиночка. – Ничего не скажешь, очень представительный мужчина... сразу видно, настоящее светило.

Женщина в темно-синем платье укоризненно покачала головой:

– Насчет светила вы, милочка, не ошиблись! Этот импозантный здоровяк действительно личность довольно известная. Но только это не Качинский! Да как же так? Посмотрите на него. Неужели вы его не знаете?

– Это Дорохов! Он у Качинского чуть ли не во всех фильмах снимается, – проявила осведомленность Катя.

– Все верно! Это актер Борис Дорохов, он в новом фильме будет играть Василия Шуйского!

– А это еще кто? – тут же уточнила Зиночка.

– Шуйский?.. Это же царский воевода, который руководил обороной Пскова, – назидательно пояснила женщина в темно-синем платье. – Вы, я вижу, милочка, не только про деятелей кино не осведомлены, но и историю совсем не знаете.

– Нечего меня тут «милочкой» называть! – огрызнулась Зиночка и потащила Катю в сторону. – Пошли отсюда! Вот тоже пристала: историю я не знаю... Зато она, смотрю, все знает.

Они протолкнулись вперед и дошли едва ли не до самого ограждения. Здесь тоже все переговаривались, гадали и чего-то ждали.

Катя недовольно поморщилась:

– Зря мы сюда пошли, тут хуже видно. А тетка эта и впрямь – целый кладезь знаний! Если бы ты не раскапризничалась, она бы наверняка нам еще кучу всего интересного рассказала!

В этот момент из того же второго «ЗИСа» наконец-то вышел еще один мужчина, толпа снова загудела.

– А вот и он...

– Качинский...

– Да, это сам Качинский... – слышался шепоток со всех сторон.

Катя встала на носочки, вытянула шею: высокий, статный, в темных волнистых волосах уже вовсю пробивается седина. Катя не раз видела знаменитого режиссера на фотографиях, но чтобы вот так, вживую... Девушка закусила губу.

Густые брови и довольно крупный нос с горбинкой, полные губы и пристальный прямой взгляд. На фото, которые ей довелось видеть, знаменитый режиссер был гораздо моложе. Однако, несмотря на годы, Качинский определенно был все еще в состоянии разбить немало женских сердец. На нем был идеально сшитый и тщательно выглаженный шевиотовый костюм цвета индиго, крепдешинный серый галстук и начищенные до блеска кофейные туфли-оксфорды.

Спустя примерно минуту, даже не посмотрев в сторону замершей от волнения толпы, Качинский сделал несколько шагов в сторону крепостной стены. Он поманил рукой свою помощницу Софью Горшкову и что-то принялся ей объяснять.

Держа одну руку в кармане брюк, Качинский второй рукой указывал то на высокую стену, то на башни, то на укрывшееся за облаком солнце. Горшкова принялась записывать в блокнот, потом побежала к тому месту, где очкастый

оператор по фамилии Уточкин вместе со своими помощниками уже устанавливал и настраивал аппаратуру.

Актер Дорохов, которому предстояло играть псковского воеводу, подошел к Качинскому и, тоже получив необходимые указания, исчез за пологом шатра, который расторопные грузчики уже успели установить в сторонке. Загудел мотор, и со стороны Довмонтава города подкатило целых три автобуса «Аремкуз», из которых высыпало едва ли не полсотни человек.

- То были статисты, а это все – основные актеры, – тут же предположил кто-то.

- А вот и нет! Это тоже статисты! Просто те, что вошли в крепость, покажутся позже, а эти будут играть первые дубли, а позже пойдут общие сцены. Так что не сомневайтесь, все эти, что попрятались в шатрах, тоже статисты. Да вы сами посмотрите, номера-то на этих автобусах псковские! А вот основных артистов из Москвы, что сыграют ключевые роли, прибыло, как я слышала, не больше десятка.

Катя обернулась и увидела каким-то образом снова оказавшуюся рядом ту самую женщину в темно-синем платье, которую так невзлюбила Зинуля.

- Откуда вы это знаете? – тут же усомнившись в достоверности сказанного, поинтересовался пожилой мужчина в серой панаме и в пенсне.

- У меня муж на радио работает! А к ним, как вы сами понимаете, новости раньше всех доходят! Скажу вам больше, мой муж после приезда Качинского самолично брал у него интервью, – заявила пергидрольная красотка, достала из сумочки пудреницу и припудрила нос.

Когда прибывшие на автобусах актеры разошлись по наскоро образовавшимся шатрам-гримерным, на вновь образовавшейся съемочной площадке все еще продолжалась работа. Оператор Уточкин тут же занял место у камер, кто-то устанавливал переносные светильники, кто-то тащил бутафорию, кто-то сваливал в кучу какие-то щиты с нарисованными на них картинками. Спустя пару минут из главного шатра в сопровождении довольно полной женщины с родинкой на щеке вышел актер Дорохов.

Оказывается, он уже успел сменить свой драп-велюровый коричневый костюм на кованую кольчугу и латный доспех с заклепками. На голове у игравшего воеводу Шуйского актера был шлем с зеркалом. На боку, в черных кожаных ножнах, висела выгнутая дугой сабля.

Теперь чернобородый и статный Дорохов стал не добродушным здоровяком, он превратился в былинного Илью Муромца, способного в сей же час совершить ратный подвиг и сразиться с поганым Идолищем, сокрушить Жидовина или, на худой конец, пленить все того же Соловья-разбойника.

Дорохов расправил плечи, достал из кармана пачку сигарет и закурил от бензиновой зажигалки. Это вызвало у зрителей смех. В ответ актер понимающе помахал публике и приложил руку к воображаемому козырьку своего остроконечного шлема.

Тут же как по волшебству из других шатров стали выходить другие актеры в кольчугах, латах и стеганых кафтанах. Они тоже салютовали публике и с улыбками занимали свои места. Зрители ликовали, хлопали в ладоши и одобрительными криками подбадривали актеров.

Прошло какое-то время. Качинский снял пиджак, уселся в раскладное кресло, в руках у него откуда ни возьмись появился огромный, сияющий начищенной медью рупор.

- Начали! - воскликнул сидящий красавец-режиссер и откинулся назад.

Рыжеволосая ассистентка Качинского Анечка Дроздова щелкнула «хлопушкой», звонким голосом объявив о начале первого дубля. Что-то снова щелкнуло, зажглось, заскрипело. Камера, установленная на импровизированных рельсах, дрогнула и покатила вдоль крепостной стены. Актеры пришли в движение, Дорохов-«Шуйский» выхватил из ножен саблю и принялся сотрясать ею над головой. Катя снова встала на носочки, сжала кулачки, и в тот же миг вдруг раздался женский визг, который перевернул все с ног на голову...

На миг все как будто замерли, вышли из привычного ритма, потом как-то беспомощно засуетились. Спустя мгновение снова раздался крик. Большинство статистов, еще не понимая, что случилось, бросились к тому самому месту, где только что в кресле сидел Качинский. Режиссера охватили

кольцом, спустя мгновение очень громкий женский голос закричал:

- Врача! Скорее позовите врача!

Зрители загудели и хлынули вперед. Солдаты из оцепления, хоть и не без труда, но все же сумели остановить толпу. Все тот же женский голос снова закричал:

- Врача!!! Он же умирает! Немедленно вызывайте врача!

Катя не сразу поняла, что случилось. Кто-то толкнул ее в спину, она обернулась, но тут ей наступили на ногу. Катя ойкнула. Зиночка, которая только что была совсем рядом, вдруг куда-то исчезла. Катя искала подругу глазами и наконец увидела, как ту оттеснили в сторону метров на десять. Толпа снова зашевелилась, бойцы из оцепления требовали отступить назад, и именно в этот момент Катя наконец-то пришла в себя.

- Пропустите! Сейчас же пропустите меня... я врач!

Какой-то мужчина в коричневой кепке букле тут же рванулся к ней.

- Вы в самом деле врач?

- Да!

- Тогда вам нужно пробраться сквозь эту толпу!

- Ну так помогите же мне!

Парень кивнул и зычно рявкнул:

- А ну посторонись! - и, схватив Катю за руку, потащил ее к городской стене. Их поддержали, и вскоре они сумели добраться до ленточных ограждений.

- Пропустите эту девушку, она врач! - крикнул парень молоденькому белобрысому солдатику из оцепления.

Тот испуганно огляделся по сторонам и отступил, пропуская Катю и ее случайного помощника вперед. Спустя несколько мгновений члены съемочной группы и актеры, образовавшие кольцо, расступились, и Катя увидела лежащего на траве и корчившегося в судорогах Качинского.

- Отойдите!.. Отойдите сейчас же!

Катя упала на колени. Качинского трясло. Катя пощупала пульс, потом оттянула больному веко.

- Ярко выраженная геморрагия сетчатки! Пульс учащенный! Судороги... - она не успела договорить - Качинский дернулся, и его вырвало.

- Живот! Как будто ножом режет, - прохрипел режиссер, продолжая трястись и корчиться от боли.

- Срочно принесите воды! А лучше чего-нибудь вязкого...

- Что вы имеете в виду?

Катя увидела рядом с собой Горшкову.

- В идеале - льняной раствор, можно кисель!

- Да где же я вам сейчас киселя возьму? - чуть не плача простонала Горшкова.

- Тогда просто принесите воды... много воды!

Горшкова тут же исчезла, и в этот момент послышался вой санитарной сирены.

Спустя несколько секунд карета «Скорой помощи» остановилась метрах в десяти от места происшествия. Сухощавый врач в потрепанном халате и в толстых роговых очках тут же подбежал к больному.

- Так! Кто вы такая? Вы врач?

Катя кивнула и нехотя отступила.

– Это определенно отравление сильным токсином! Ему срочно нужно сделать промывание желудка и не помешает переливание крови!

– Я вас понял! – сухо ответил врач и повернулся к прибывшим с ним санитарам: – Носилки! И побыстрее...

Спустя несколько минут, все так же воя сиреной, машина «Скорой помощи» сорвалась с места, увозя с собой все еще стонущего от боли московского режиссера Всеволода Качинского.

Часть первая

Киношники

Глава первая

Неделя была бешеной, но они неплохо поработали, раскрыв две квартирные кражи и взяв с поличным банду спекулянтов, орудовавших в Завеличье и в Крестах.

Сегодня наконец-то выдался спокойный денек. Начальник оперативного отдела псковской милиции Павел Зверев и трое его оперативников, благополучно разобравшись со всеми рапортами и отчетами, сидели у себя в отделе и изнывали от жары и скуки. Нисколько не смущаясь присутствием своего непосредственного начальника, Дима Евсеев и Шура Горохов играли в шахматы. Веня Костин от скуки читал новый Дисциплинарный устав, сам же Зверев, показывая своим подчиненным дурной пример, бесцеремонно закинул ноги на рабочий стол и чистил ногти заостренной спичкой.

На прошлой неделе, как и в прежние добрые времена, Павел Васильевич наконец-то выкроил время и посетил довольно приличную закусочную на Троицкой, где сумел познакомиться с хорошенькой шатенкой Сонечкой Мосиной.

Сонечка работала пекарем-кондитером на местном хлебозаводе, однако, вопреки устоявшимся стереотипам, не отличалась пышной фигурой, напротив, – была очень подвижна и стройна.

Около тридцати... Начитанна и не особо эмоциональна... С чувством юмора и без лишних комплексов...

Тем не менее Зверев потратил неделю, водя Сонечку в кино. Они посетили драмтеатр, где показывали «Касатку» режиссера Григорьева. Вчера же Павел Васильевич рискнул пригласить приглянувшую ему красавицу в ресторан. Та, немного поломавшись, согласилась.

Результатом этого стало то, что Сонечка наконец-то решилась посетить «логово Зверя» (именно так Павел Васильевич частенько называл свою холостяцкую квартиру). Они слушали патефон, пили не самый дешевый коньяк, и в итоге Сонечка осталась у Зверева до утра. Именно по этой причине начальник оперативного отдела псковской милиции Паша Зверев сейчас жутко хотел спать и то и дело время от времени зевал.

В дверь постучали.

– Кто там еще? Входите, не заперто! – крикнул Зверев, даже не подумав при этом снять ноги со стола.

Дверь открылась, и в кабинет вошел невысокий паренек в сереньком костюмчике и с комсомольским значком на груди. В руке он держал потрепанный кожаный портфель.

– Здравия желаю! Мне к майору Звереву. Разрешите войти?

Зверев сурово оглядел незваного гостя. Прищуренный взгляд, зачесанная назад пышная шевелюра, округлые щечки с ямочками, пухлые губы – эдакий маменькин сынок.

- Ну, я Зверев, а ты кто такой?

- Курсант Горьковской школы милиции Комарик, прибыл к вам в отдел на стажировку. - Паренек достал из кармана очки и водрузил их на нос.

- На стажировку? К нам? А Корнев в курсе?

- Так точно, товарищ майор! Он меня к вам и направил.

Зверев хмыкнул:

- Горьковская школа, говоришь?

- Там база для обучения очень хорошая, - пояснил Комарик.

- И чему же вас там учат, в вашей школе милиции?

- Обучение включает в себя: административное право, криминалистику, партийно-политическую работу, историю государства и права, государственное право, уголовное право, уголовный процесс. Ну и, разумеется, общеобразовательные дисциплины - русский язык, литературу, математику, логику и психологию.

- Вот психологов нам как раз и не хватало, - ухмыльнулся Шура Горохов. - А Комарик - это фамилия?

Парень явно смутился:

- Фамилия... Что с того?

Шура негромко гыкнул.

- Да так... ничего! А как звать?

- Игорь... Игорь Евгеньевич.

– Игорек, значит.

Гость пожал плечами:

– Ну можно и так.

Горохов продолжил свои расспросы:

– Если ты из Горького приехал, то где жить собираешься? В нашем общежитии, я слышал, мест сейчас нет.

Парень принялся объяснять:

– Я ведь в Горьком только учусь, а сам я местный. Вот в Горьком я в общежитии живу, а сейчас остановился у себя дома, на улице Ленина.

– Наверное, с папой и мамой, – снова усмехнулся Шура.

Комарик снова замялся:

– Ну да... Живу с родителями.

Шура приснул в кулак. Зверев строго посмотрел на подчиненного, тот тут же затих.

– Ну, что ж, добро, как говорится, пожаловать! Садись пока здесь, устраивайся.

Зверев указал на свободный стул, где раньше сидел переведенный еще полгода назад старший оперуполномоченный Александр, Саня, Зорин.

– Спасибо, – ответил стажер, положил на стол свой портфель, достал из него авторучку, химический карандаш, несколько общих тетрадок и положил на стол.

– Что это у тебя за макулатура? – указав на тетради, поинтересовался Горохов.

– Конспекты. Тут, конечно, не все, а только самое важное. Остальное завтра принесу.

Горохов снова прыснул в кулак, но ничего больше не сказал.

Стажер, поправив очки, поинтересовался:

– Итак, чем порекомендуете мне заняться?

– А тебе поработать хочется? – наконец-то сняв со стола ноги, спросил Зверев.

– Разумеется!

– Веня, дай ему свою книжонку, пусть изучает!

Костин, не вставая со стула, бросил на стол новичку устав, тот повертел его в руках и, не открывая, отложил в сторону.

– Знакомая книжица. «Дисциплинарный устав милиции», введен приказом министра внутренних дел СССР в июле сорок восьмого. Может, я лучше чем-нибудь полезным займусь?

– Хочешь сказать, что эту, как ты сказал, книжицу, ты знаешь назубок? – ухмыльнулся Веня.

– Довольно близко к тексту!

– Ого! – Веня встал, взял у стажера устав и открыл его на первой попавшейся странице: – Тогда давай тебя проэкзаменуем! О чем сказано, ну скажем, в десятой главе?

– О поощрениях, применяемых к лицам рядового и младшего начальствующего состава милиции, – без запинки ответил стажер.

– И какие же это поощрения?

– Благодарность, снятие ранее наложенного взыскания, награждение похвальными листами и занесение на доску почета. – Игорек снова поправил очки.

– Так, что еще?

– Награждение ценными подарками и деньгами, а также повышение в звании.

– Во дает студент! – ухмыльнулся Горохов, которому только что был объявлен шах.

– Вам лучше не трогать ладью, а то через два хода вам поставят мат, – непринужденно посоветовал Шуре стажер.

– Как мат? – удивился Шура, но ладью при этом все-таки взял в руки.

– Раз коснулся, значит, ходи! – тут же засуетился Евсеев.

Шура махнул рукой и, как и планировал, прикрыл своего короля ладьей. Евсеев тут же перенес ферзя на белое поле и через пару ходов и в самом деле поставил сопернику мат. Шура чертыхнулся и стал складывать шахматы в коробку.

В этот момент зазвонил телефон. Веня подошел к столу и снял трубку:

– Оперуполномоченный Костин. Слушаю. – Нахмурился, потом сказал: – Да подожди ты... – Спустя еще примерно десять минут произнес лишь одно слово: «ладно» – и повесил трубку.

– С кем это ты так? – поинтересовался Горохов.

– Скорее всего, вы разговаривали с женой! – тут же вместо Вени ответил Игорек.

– И как ты догадался? – не без ехидства поинтересовался Веня.

– Вы разговаривали почти пятнадцать минут, при этом сказали лишь несколько слов, на вашем лице было недовольство. Вы несколько раз набирали воздуха в

грудь, но так и не решились перебить собеседника. Это навело меня на мысль, что вы говорили либо с начальником, либо с женщиной. Майор Зверев, ваш непосредственный начальник, сидит здесь, и если бы в отдел позвонил, скажем, ваш начальник управления полковник Корнев, то он наверняка не стал бы так долго тиранить вас, а пригласил бы к телефону Павла Васильевича. Выходит, что версия с начальником отпадает. Судя по тому, что собеседник говорил без умолку, вполне резонно предположить, что версия с женщиной более вероятна. У вас на пальце кольцо, значит, вы женаты. Таким образом...

– Все! Хватит тараторить! – огрызнулся Костин. – Ты хоть и не женщина, но тоже болтаешь без продыху!

Веня подошел к распахнутому окну, достал из кармана пачку «Явы» и закурил.

– Что Катя сказала? – со своим обычным беззвучным смешком спросил Зверев.

– Да чего она может сказать? Сказала, что ходила на съемки и там какому-то Качинскому стало плохо...

– Что? Качинскому? Режиссеру? – тут же воскликнул Горохов.

– Может, и режиссеру, почем мне знать. Сказала, что вроде как отравили его...

– И сильно отравили? – тут же стерев с лица ухмылку, спросил Зверев.

– Не знаю! Говорит, что сильно!

– Так он хотя бы живой?

– Когда его на «Скорой» увозили, был живой.

Зверев покачал головой:

– Качинский – известный режиссер из Москвы. Светило современной кинематографии. Если его действительно отравили, тем более если он умер, наверняка уже началась такая шумиха, что никому мало не покажется.

В этот момент снова зазвонил телефон. Зверев подошел к аппарату и, не снимая трубки, с ухмылкой спросил молодого стажера:

– Ну что, Игорек? Хочешь еще раз продемонстрировать нам свою проницательность?

Комарик оживился:

– Конечно, хочу.

– Можешь сказать, кто звонит на этот раз?

– Думаю, что на этот раз звонит уже начальник управления. Раз случилось такое, значит, с шахматами и изучением устава нужно завязывать, потому что у нас у всех появится работа!

– Молодец, Игорек... хвалю!

– Ну что вы, ту несложно же было догадаться, любой бы на моем месте...

– Умный, но скромный! Дерзости вот только тебе не хватает, но это мы исправим! Так что, думаю, мы сработаемся. – Зверев наконец-то снял трубку: – Здравия желаю! Слушаю вас, товарищ полковник!

* * *

В кабинете начальника псковской милиции Степана Ефимовича Корнева, помимо самого полковника, сидел довольно грузный, можно даже сказать, толстый, темноволосый мужчина в строгом костюме и в галстук.

Зверев вошел в кабинет и тут же самым бессовестным образом спросил:

– Степан Ефимыч! Ты зачем это без моего ведома мне стажера прислал?

– Что значит «зачем»? – удивился Корнев. – Сам же говорил, что у тебя работы – по уши!

– Хм... – вспомнив, чем он сам и его подопечные занимались последние несколько часов, Зверев не нашел что возразить.

– Раз работы много, значит, тебе люди нужны! А этот Комарик – парень толковый, знаешь, какие у него характеристики! Неужели он тебе не приглянулся?

– Твой Комарик – не красная девица, чтобы мне приглянуться... В принципе, мы его тут порасспрашивали, парень вроде бы толковый...

– Ну а я что говорю!

– Ладно, будем считать, что с этим разобрались! Говори, чего звал.

Корнев представил Звереву своего грузного гостя:

– Познакомься, Павел Васильевич, это – Арсений Иванович Головин из Москвы. Ты знаешь, что у нас в городе идут съемки нового фильма об осаде Пскова?

Зверев прошел к стене и плюхнулся на свой любимый диван.

– Что-то такое слышал.

Корнев сжал кулаки, поежился и продолжил:

– Так вот, Арсений Иванович отвечает за съемку данного фильма...

– Я слышал, что фильм снимает Качинский.

– Качинский – режиссер, а я директор картины. Я работаю на «Мосфильме» и отвечаю за работу всей съемочной группы, кроме того, занимаюсь финансовыми вопросами, – тут же принялся пояснять Головин.

– А теперь кто-то отравил вашего режиссера.

- Откуда ты это знаешь? – тут же поинтересовался Корнев.

- Газеты надо читать!

- Не ври! В газетах писали про фильм, но не про Качинского!

Зверев отмахнулся:

- Ну не писали, а я вот, тем не менее, про это знаю! Так что там с Качинским? Надеюсь, жив?

Корнев походил на вскипевший самовар, а Головин тяжело вдохнул, достал из кармана носовой платок и вытер им вспотевший лоб.

- Всеволод Михайлович в местной больнице. Он без сознания. Врачи борются за его жизнь, но боюсь, что дело плохо.

- И вы полагаете, что это покушение?

- Разумеется! Кто-то решил помешать съемкам. А ведь о скорейшем завершении и показе фильма настаивает сам Верховный. – Головин при этом поежился. – Так что, возможно, это диверсия.

- Все ясно. Что еще?

- Фильм уже практически снят, хотя мы до сих пор еще не определились с названием. Сюда мы прибыли, чтобы отснять основную часть батальных сцен, используя в качестве декораций местный кремль, чтобы придать киноленте, так сказать, более натуральный вид. Это грандиозный проект, в котором задействованы статисты из местных, в Псков доставлены несколько сот специально изготовленных костюмов, оружие и доспехи того времени. Также сюда прибыли часть съемочной группы и несколько актеров. Но это лишь малая часть творческой группы, основная масса должна была прибыть позже, а тут такое...

- А те, кто уже прибыл, их сколько?

– Что касается творческой группы, то если считать меня и Качинского, то нас восемь.

– А актеры?

– Пока что здесь, как я уже сказал, лишь несколько человек. Если не ошибаюсь, то всего их семь.

– И где же вы все остановились?

– Всех нас поселили в общежитии, в котором, как выяснилось, когда-то был монастырь. Это место находится в непосредственной близости от крепостных стен, где должна была проводиться съемка. Видимо, именно поэтому ваше городское начальство отвело это общежитие для нашего проживания.

– Вы кого-то подозреваете?

– Что вы, боже упаси!

– Я уже отдал приказ выписать ордера, сейчас наша дежурная группа обыскивает комнаты, в которых проживают актеры и съемочная группа, – слегка успокоившись, сообщил Корнев.

– И что же они ищут?

– Яд, разумеется.

Зверев снова покачал головой:

– Ну что ж, посмотрим, что дадут эти поиски. Итак, товарищ из «Мосфильма», что же вы хотите от меня?

Головин запыхтел и быстро-быстро заговорил:

– Если Качинский не придет в себя, мне придется уехать в Москву искать ему замену. По решению руководства киностудии прибытие в Псков остальной части

творческой группы и актеров пока приостановлено. Те же, кто уже прибыл, находятся в шоковом состоянии, а это может сорвать съемки. Для того чтобы хорошо играть, актерам нужно погружаться в роль, а как они это сделают, если будут бояться, что их жизни что-то угрожает. Мне сказали, что вы – лучший сыщик в этом городе. Прошу вас в самые кратчайшие сроки разобраться в этом деле, и если Качинского действительно хотели убить, то нужно в кратчайшие сроки найти злоумышленника и обеспечить всем нам нормальные условия работы.

Зазвонил телефон.

– Корнев у аппарата!

Спустя несколько секунд полковник положил трубку на рычаг и, переведя взгляд на Зверева, сухо процедил:

– Только что позвонили из областной больницы. Час назад, не приходя в сознание, режиссер Всеволод Качинский скончался.

Глава вторая

Получив распоряжение Корнева подключиться к расследованию, Зверев спустился на первый этаж, вошел в отдел и увидел, что после его ухода к начальнику псковской милиции обстановка в отделе не изменилась. Евсеев с Гороховым начали очередную партию, причем на доске уже не хватало десятка фигур. Веня опять листал устав, а вновь прибывший стажер молча взирал на то, как Шура методично идет к неминуемому проигрышу, и явно скучал, не решаясь больше вмешиваться со своими советами.

Шурка Горохов сидел, ссутулившись, и был явно настроен на реванш. Он то и дело чесал затылок, яростно двигал ферзя и не особо успешно разменивал пешки. Евсеев молча оборонялся, казался спокойным, но Зверев тут же понял, что это неспроста. Любому мало-мальски опытному шахматисту было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что Евсеев готовит не в меру горячему сопернику ловушку.

– Финита ля комедия, братцы! Пришло время поработать, – рыкнул Зверев.

– Что? – не отрывая взгляда от доски, прогнусавил Шура.

Подойдя к шахматистам, Зверев двинул черного коня назад и тем самым помог Шуру избежать неизбежной «вилки».

– Ты что, самоубийца? Куда же ты лезешь?

– Василич! – взревел Евсеев. – Ну кто тебя просил, он же уже почти попался!

– Кто попался? Я? – Шура еще сильнее пригнулся к столу и стал чесать затылок. – Подожди... Так я же...

Зверев взял в руки белого ферзя и тюкнул им Шуру в темечко.

– Говорю же, убрали цацки – и слушаем!

Все тут же уставились на майора.

– Итак, худшие предположения сбылись – несколько часов назад в городской больнице скончался режиссер Качинский! Все указывает на злой умысел, и нам поручено найти его отравителя!

– А его точно... того? – все еще таращась на шахматную доску, поинтересовался Горохов.

Зверев снова тюкнул Шуру по голове.

– Точно того или не того, я не знаю! Но если ты не оторвешься от своих шахмат, я тебя...

Шура тут же вскочил.

– Конечно-конечно! Какие уж тут шахматы, товарищ майор, я вас внимательно слушаю...

Спустя пару минут кабинет опустел. Веня в сопровождении стажера поехал в областную больницу поговорить с персоналом. Евсееву с Гороховым в сопровождении нескольких оперов из угро и кинолога Гены Логвина предстояло, уладив все процессуальные вопросы, провести в общежитии, где разместились московские гости, масштабный обыск.

Когда Горохов предположил, что деятели кино наверняка будут препятствовать обыску, Зверев посоветовал Шуре соврать, что, по имеющимся у следствия данным, не исключены повторные случаи отравления.

– Говори всем, что рицин – очень страшный яд! Так что помощь следствию – в их же интересах, – подытожил майор.

Сам же Зверев, учитывая его сегодняшнее состояние, и, как это у него обычно было принято, сильно утруждать себя не стал. Единственное, что он все-таки сделал, – это увел Головина в допросную и заставил толстяка написать список всех его коллег и подробно описать наиболее значимые события последних дней, которые могли быть полезны следствию.

После строгого внушения Зверев оставил Головина в одиночестве, а сам направился в столовую авторемонтного завода. Похлебав кислых щей и выдув три стакана компота с абрикосами, Зверев явился в дежурную часть и с молчаливого согласия дежурного по управлению старшего лейтенанта Лысенко прикорнул на диванчике в комнате отдыха дежурной смены. Там он проспал добрых три часа, после чего ему заметно полегчало.

Проснувшись, слегка опечаленный тем, что во время сна сильно помял брюки, Павел Васильевич умылся и вернулся к себе в отдел. Там его уже ждали.

– Василич, где ты ходишь? Мы уже целых полчаса тебя дожидаемся, – воскликнул Костин.

Зверев посмотрел на часы и устроился за столом:

– Что значит – где? Я со свидетелем работал.

– Это которого Арсением Ивановичем зовут?

- Чего?

- Я говорю про Головина! Про директора картины!

- Ну да!

- Вот. - Веня протянул Звереву объяснения и список московских гостей. - Тут вся съемочная группа и актеры. Всего тринадцать человек.

- Роковое число!

- Я бы не стал исключать из числа подозреваемых и самого директора.

Зверев бегло прочел список.

- Я, как ты знаешь, не суеверный, но пусть лучше будет четырнадцать. И так, четырнадцать! Шесть из них - женщины.

- Намекаешь на то, что яд - оружие женщин? Ну хорошо, список я вижу, а где сам четырнадцатый подозреваемый, наш директор картины?

- По его словам, он целых два часа в допросной просидел, сильно возмутился, так что я его отпустил.

Зверев нахмурился:

- Напрасно.

- Это почему?

- Потому что он после смерти Качинского наверняка помчится в свою Москву искать нового режиссера, а мы его даже толком не допросили.

- Так я думал...

– Ладно! Черт с ним, с этим директором! Что сделано, то сделано. – Зверев, в душе признавая собственную вину, бегло просмотрел исписанный неровными каракулями листок и убрал его в стол. – Итак, чем порадуете?

Веня тут же затараторил:

– Первым делом мы, как и следовало, посетили больницу. Врач, ведущий Качинского, тут же подтвердил факт отравления. При этом он рискнул предположить, что отравили нашего режиссера каким-то там рицином.

– И что это такое? – уточнил Зверев.

– Белковый яд растительного происхождения. Он в шесть раз ядовитее, чем цианистый калий, – тут же вмешался Игорек. – Ригин изготавливают из обыкновенной клещевины.

– А клещевина – что такое?

– Маслянистое декоративное растение. Все его части ядовиты и опасны для человека и животных.

Зверев вопросительно посмотрел на Костина:

– Это все вам доктор рассказал?

– Какое там? – возмутился Веня, кивнул на Комарика и оскалился: – Этот вундеркинд и без доктора все знал, еще и врачей поучать пытался.

Зверев повернулся к стажеру и наморщил лоб:

– Вам что, все это в школе милиции рассказывали?

Игорек, как это часто у него бывало, поправил очки.

– В специальной литературе прочел.

- Слушай, дружок, ты говорил, что у родителей живешь, а кем они у тебя работают?

- Папа - учитель литературы, мама - библиотекарь.

- Так вот почему ты у нас такой начитанный, - фыркнул Веня.

Зверев махнул оперативнику рукой, предлагая заткнуться.

- Ладно, с папой и мамой разобрались, а теперь скажи, где этот яд берут?

- При желании клещевину можно вырастить в обыкновенном парнике и после этого изготовить самостоятельно. Рицин представляет собой белый порошок без запаха и хорошо растворяется в воде.

- Так... что еще?

Веня хмыкнул и заговорил:

- После больницы мы решили заскочить в морг, куда уже увезли тело Качинского и где работает твой знакомый патологоанатом Геннадий Карлович. Так вот он тоже подтвердил, что в желудке у режиссера обнаружен этот самый рицин.

- То есть они уже и вскрытие сделать успели? - удивился Зверев.

- Когда я сказал Геннадию Карловичу, что прибыл от тебя, он тут же отложил все дела и занялся нашим покойником.

Увидев, что Комарик скривил лицо и закрыл рот ладонью, Зверев уточнил:

- И какие же дела он отложил?

- Он сидел возле распоротого женского трупа, держа в руках половинку батона, намазанного вареньем, и собирался пообедать.

Комарика передернуло, он издал булькающий звук.

– Вот, он и там себя так же повел, – довольный тем, что хоть как-то смог «уделать» этого выскочку-стажера, сообщил Веня. – Как только увидел мертвецов, тут же побледнел и выбежал на улицу.

Зверев рассмеялся.

– Что же ты, Игорек, не нашел литературу, в которой написано, как не бояться покойников?

– А я их и не боюсь, просто там такой запах...

– Ладно! Все ясно. Что-нибудь еще?

– Пока все!

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вошли Евсеев с Гороховым.

– Прибыли, товарищ майор! Вот только порадовать нечем, обыск ничего не дал, – отрапортовал Горохов и пошел ставить чайник. – Проголодался я, слона бы сейчас съел!

Комарик снова издал булькающий звук и прикрыл ладонью рот.

– Чего это он? – глядя на стажера, поинтересовался Шура.

– Страдает, – улыбнулся Костин. – Мы ведь с ним после посещения больницы в пельменную завернули, а потом в морг. Когда наш Игорек познакомился с «пациентами» Геннадия Карловича, он тут же побежал на свежий воздух. До сих пор пельменями давится.

– Ладно вам, оставьте парня в покое, – приказал Зверев. – Яд вы не нашли, а выяснить что-нибудь важное сумели.

Евсеев сел за стол и сообщил:

– Опрашивать киношников ты нам не велел, вот мы и не стали их баламутить раньше времени. Единственное, что удалось выяснить, это то, что Качинский накануне своего отравления ничего не ел, ни вечером, ни с утра. Так что версия о том, что яд ему подсыпали в еду, исключена.

Зверев насторожился:

– Откуда такая уверенность в том, что он ничего не ел?

– Помощница его рассказала, Софья Алексеевна Горшкова. Пока мы рылись в ее ящиках, эта самая Горшкова сообщила, как бы между прочим, что Качинский страдал каким-то там... – Евсеев достал из кармана клочок бумаги и прочитал по слогам: – Га-стро-э-зо-фа-геальным рефлюксом. Вчера вечером у нашего режиссера случилось обострение этого самого рефлюкса. Горшкова нас уверила, что всякий раз, когда у Качинского обостряется этот самый рефлюкс, он ничего не ест... точнее, не ел. Вот и непонятно, чем он мог отравиться.

Комарик снова издал булькающий звук, прижал руку к губам и жадно втянул ноздрями воздух. Он дышал так часто, что Веня решил придержать при себе очередную издевку.

– Снова пельмени наружу просятся, – ухмыльнулся Веня.

Зверев цыкнул на подчиненного:

– Отстань от него! Так... Если Качинский накануне ничего не ел, это не значит, что он ничего не пил. Воду-то уж он пил наверняка, и, скорее всего, не только воду.

– Получается так.

Зверев хмыкнул:

– Как ты там говоришь? Какой там у него был рефлюкс?

– Гастроэзофагеальный!

- Что это еще за болезнь такая? Язык сломаешь!

Комарик, который наконец-то совладал со своими приступами, поспешно вставил:

- Гастроэзофагеальный рефлюкс – это изжога...

- Что? Изжога?

- Вот именно! Самая обыкновенная изжога.

Все снова посмотрели на Игорька. Тот начал розоветь и дышал уже ровнее.

- Так, подождите-ка... – Зверев осмотрел присутствующих и обратился к Комарику: – Как ты говоришь, выглядит этот ригин, которым отравили Качинского?

- С виду это обычный белый порошок.

- Без запаха и хорошо растворяется в воде?

- Совершенно верно.

Зверев беззвучно рассмеялся:

- А теперь скажи мне, вундеркинд, чем у нас обычно лечат этот твой рефлюкс?

- Изжогу? Есть какие-то препараты, сейчас я точно не могу ответить!

- Эх ты, знаток! Я не знаю, чем там у вас лечат твой рефлюкс, но знаю, как обычно избавляются от изжоги!

- Как?

- Изжогу лечат самой обычной содой! Ее едят ложкой и запивают водой или же растворяют в воде и пьют!

Зверев повернулся к Евсееву, тот кивнул:

- Точно, моя мама всегда так делает!

Зверев фыркнул.

- Здоровья и долгих лет твоей маме! А теперь скажи мне, Дима, что такое сода, точнее, как она выглядит?

Евсеев задумался, и тут его осенило:

- Белый порошок без запаха!

- Который...

- ...хорошо растворяется в воде!

- Правильно! - Зверев подмигнул Комарику. - А теперь вспоминай, Димка, не находил ли ты во время обыска у кого-нибудь из наших киношников соду?

Евсеев встал и глупо уставился на Горохова:

- Соду? Я?... Ой...

- Я находил! - воскликнул Шура Горохов и тоже изобразил глупую гримасу.

- Где?

- У этой же самой Софьи Горшковой! У нее, как сейчас помню, на журнальном столике стояла почти полная пачка.

Зверев строго посмотрел на Горохова:

- Так. Шурик, не выключай плитку, чай для вас с Димкой пока что отменяются.

– Только для нас?

– Для вас! Мы с Веней и Игорьком будем чаевничать, а вы, горе-поисковики, поезжайте обратно в общежитие и тащите сюда эту самую Горшкову вместе с ее содой.

* * *

Отрешенная и бледная как мел, Софья Горшкова сидела на табурете и трясущимися руками держала стакан с водой, который ей заботливо подал Комарик. Зверев сидел на крышке стола и отбивал пальцами барабанную дробь. Комарик с Костиным стояли у окна, а Шура Горохов за столом писал рапорт о проведенном задержании.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел улыбающийся Евсеев. Он подошел к Звереву и положил на стол заключение экспертизы:

– Все, как и предполагалось! В пачке с содой, которую мы изъяли в комнате гражданки Горшковой, присутствует рицин.

Горшкова вздрогнула и едва не выронила стакан:

– Простите, я не понимаю...

– Что вы не понимаете? – без особого нажима спросил Зверев.

– В моей пачке с содой какой-то рицин?

– А вы не знаете, что такое рицин?

Зверев не отрывал от Горшковой взгляд.

– Н-нет...

– Рицин – это белковый яд, которым был отравлен ваш режиссер!

Горшкова дернулась и все-таки пролила воду себе на подол.

– Боже мой! Выходит, что это я отравила Всеволода Михайловича? Но как же так... Боже, я же ничего...

Зверев перебил ее:

– Вы сказали, что накануне своей смерти Качинский ничего не ел. А что он пил?

– Содовый раствор! У него случился приступ, и я... – женщина поставила стакан на стол и разрыдалась.

Комарик подался было вперед, но Зверев остановил его жестом.

Пока Горшкова плакала, Зверев внимательно следил за ней. Ближе к сорока, ровная челка, бледное остренькое лицо. Когда она сняла очки и стала тереть глаза, Павел Васильевич подал знак Комарику, тот тут же протянул женщине свой носовой платок. Софья Алексеевна кивнула и стала тереть и без того красные глаза.

Зверев выждал паузу и задал очередной вопрос:

– Гражданка Горшкова, то есть вы признаете то, что это вы дали Качинскому яд?

– Я делала ему содовый раствор! Он всегда его просил, когда у него начинался приступ. Да... Всеволод Михайлович постоянно пил содовый раствор, и поэтому я всегда имела под рукой пачку с содой. Когда ему становилась плохо, я растворяла примерно одну-две ложки на стакан воды, и он его выпивал.

– То есть о том, что в пачке подмешан яд, вы не знали?

– Разумеется, нет! Да неужели бы я...

– Какие у вас были отношения с убитым?

Горшкова вздрогнула, вся как-то выпрямилась и расправила плечи:

– А какие у нас с ним могли быть отношения? Он выдающийся деятель искусств, настоящее светило, а я... – тут женщина снова поникла. – А я всего лишь его помощница. Я варила ему кофе, покупала еду и делала ему этот чертов раствор. Да откуда же я могла знать, что там какой-то ризин?

– То есть вы были у Качинского на побегушках? – оторвавшись от своей писанины, предположил Горохов.

Зверев строго посмотрел на Шуру, но Горшкова, похоже, вовсе не обиделась.

– Всеволод Михайлович был исключительным человеком! Я... и не только я, его боготворили! Да, я была его правой рукой, помощницей, даже прислугой, если хотите.

– То есть вы все знаете о Качинском? – вновь подключился к допросу Зверев.

– Разумеется.

– Расскажите нам о нем.

– Всеволоду Михайловичу было пятьдесят пять, родился он в Коломне, в семнадцать лет переехал в Москву, был связан с большевизмом. Работал на заводе. В девятнадцатом году поступил в Государственную школу кинематографии при Всероссийском фотокиноотделе Наркомпроса. Учился на курсах Погодина, помогал ему на съемках фильма «Жатва», где был вторым режиссером и снялся в одной из ролей. С двадцать второго по двадцать пятый год учился в мастерской Сочинского, продолжая работать на киностудии «Межрабпом-Русь» в качестве актера и помощника режиссера. В двадцать седьмом снял свой первый фильм, который тут же получил признание...

– А в годы войны?

– Вместе с «Мосфильмом» был эвакуирован в Алма-Ату, где продолжал работать...

– Качинский был женат?

– Трижды. Первой женой стала коммунарка Мария Яновна Штольц, которая умерла через год от тифа во время Гражданской войны. Второй женой Качинского стала народная артистка Малого театра Татьяна Титова, народная артистка РСФСР. Они прожили четыре года и развелись. В двадцать шестом Всеволод Михайлович женился в третий раз на Тамаре Хергиани. У них двое детей.

– Тамара Хергиани – это же племянница Давида Хергиани, приближенного самого вождя, – снова не удержался Горохов.

Зверев строго посмотрел на Шуру и спросил:

– Сколько лет детям?

– Они уже взрослые: Прохору двадцать, а Алисе шестнадцать.

– Вы общаетесь с женой Качинского?

– И с дочерью, и с женой.

– И какие отношения у Качинского были с женой?

Горшкова тяжело вздохнула:

– Видите ли... Всеволод Михайлович не отличался добрым и приятным нравом. Кто-то даже утверждает, что он был настоящий тиран... Однако я не думаю, что супруга как-то причастна к его смерти...

– Качинский был довольно привлекательным мужчиной, несмотря на свой относительно зрелый возраст, вы не находите?

– Если до вас дошли слухи о его связях с женщинами, то я не хотела бы обсуждать данную тему!

– А с вами?

– У меня с ним ничего не было и быть не могло! Еще раз прошу избавить меня от обсуждения этой темы!

Зверев закивал:

– Хорошо, тогда давайте вернемся к нашей соде.

– Я привезла пачку из Москвы, купила ее в магазине на Мосфильмовской как раз накануне поездки сюда.

– А когда распечатали?

– Вчера вечером.

– При каких обстоятельствах?

– Вчера вечером Качинский собрал нас в фойе общежития, в котором нас разместили, чтобы проинформировать о планах на дальнейший день.

– Во сколько Качинский вас собрал?

– В шесть вечера. Мы собрались в фойе, с утра планировалось начать съемки. Мы обсуждали рабочие вопросы довольно долго, и тут Всеволоду Михайловичу стало плохо...

– Насколько плохо?

– Ничего особенного, обычный приступ изжоги.

– И именно тогда вы открыли пачку?

– Да. Я сходила в свою комнату, распечатала ее, взяла ложку и пошла в фойе. Там на журнальном столике стоял графин и стаканы. Я налила в стакан воды и положила в него ложку соды.

– И Качинский выпил его на глазах у всех.

- Да, все это видели.

- Видели, как вы дали Качинскому раствор, но не как вы открывали пачку?

- Да.

- Все ясно. Что потом? Как после этого он себя повел?

- Выпил, поморщился, и, видимо, ему полегчало.

- Почему вы решили, что ему полегчало?

- Потому что он продолжил совещание и про изжогу больше не вспоминал. Когда все кончилось, я поинтересовалась, будет ли он ужинать, он отказался.

Зверев посмотрел на Игорька.

- Общие симптомы при отравлении рицином наступают не сразу, а по истечении некоторого инкубационного периода, - без лишних слов пояснил Комарик.

- Получается, что Качинский выпил раствор около семи вечера вчера, а признаки отравления рицином проявились сегодня утром. То есть прошло не меньше четырнадцати часов...

Игорек поправил очки и авторитетно заявил:

- Я считаю, что если бы яд попал в организм нашего режиссера вчера вечером, то признаки отравления проявились бы значительно раньше!

Зверев кивнул и вновь обратился к Горшковой:

- Во сколько вы разошлись?

- Примерно в половине восьмого.

- Что случилось потом?

- Потом мы разошлись и... Подождите... - Горшкова вздрогнула и схватилась за голову. - Боже мой, я, кажется, все поняла...

- Что вы поняли?

Женщина заметно оживилась, схватила со стола стакан и сделала несколько глотков.

- Я вспомнила! После того как Качинский нас распустил и все разошлись по своим комнатам, я забыла пачку с содой на окне за цветочным горшком. Да-да, все так и было. Совещание закончилось, все разошлись, а меня вызвал к себе Головин. Нужно было обсудить ряд организационных вопросов по поводу дополнительного финансирования и привлечения статистов.

- То есть сразу после совещания вы пошли к Головину?

- У Арсения Ивановича я провела не больше получаса, потом вернулась в свою комнату и вспомнила, что оставила пачку и свою ложку в фойе. Я пошла туда и вернулась в фойе. Ложка и открытая пачка с содой были там, где я их оставила.

- Когда вы вернулись в фойе, там кто-то был?

- Нет. Я забрала соду и вернулась к себе.

- После возвращения вы куда-нибудь еще уходили? Вы выходили из номера?

- Нет.

- К вам никто не приходил?

- Нет, я примерно с полчаса поработала с документами и легла спать.

- Что случилось утром? Ничего необычного не произошло?

– В том-то и дело, что произошло! Примерно в пять утра в мою дверь постучали. Когда я открыла, то увидела Качинского. Он был раздражен и снова пожаловался на изжогу.

– И вы снова сделали раствор?

– Да! Он его выпил, пожаловался на духоту и неприятный запах в его комнате и ушел. Спустя три часа мы все сели в машины и отправились на съемки. Когда мы уехали, пачку я оставила в своей комнате.

Зверев оглядел присутствующих и подошел к Горшковой, та встала.

– Ну что ж, картина вроде бы вырисовывается.

– Картина? Меня что... посадят?

Зверев усмехнулся:

– Надеюсь, что нет, хотя, если вы нам соврали, у вас могут возникнуть серьезные неприятности.

– Все, что я вам сообщила, – чистая правда! Я же все понимаю!

Зверев пожал Софье Горшковой руку и велел Костину проводить ее до крыльца.

Глава третья

Пройдя через южные ворота, Зверев обогнул яблоневый сад и вышел к братскому корпусу бывшего Мирожского монастыря, ныне используемому как общежитие. В годы оккупации здесь находился концлагерь для женщин и детей. После войны разрушенные постройки восстановили и стали использовать для жилья. Именно здесь, как он уже знал, и разместились на постой прибывшие на съемку нового фильма московские гости.

Двухэтажное побеленное здание было окружено густым кустарником, у всех трех подъездов стояли лавочки, на одной из которых Павел Васильевич увидел молодую парочку. По имевшемуся у него описанию Зверев узнал юную ассистентку режиссера Анечку Дроздову. Молодой человек, сидевший рядом с ней и обнимающий девушку за талию, наверняка был оператором Дмитрием Уточкиным.

Увидев внезапно появившегося из-за поворота Зверева, девушка тут же оттолкнула руку своего очкастого кавалера и отсела чуть в сторону.

– Здравствуйте! Если не ошибаюсь, именно здесь остановились прибывшие в наш город московские гости, которые будут снимать у нас фильм? – учтиво поинтересовался Зверев.

– Не ошибаетесь! – довольно дерзко парировал Уточкин. – А вы чего здесь забыли? И, вообще, вы кто?

Анечка ткнула своего соседа локтем и улыбнулась.

– Здравствуйте! Вы к нам по делу? У нас ведь такое несчастье.

– Я в курсе! Именно поэтому я здесь. – Зверев показал удостоверение.

– Так вы из милиции? – Анечка вскочила и протянула майору руку. – Анна Дроздова! Можно просто Аня.

Зверев пожал крохотную ручонку:

– Майор Зверев... Павел Васильевич! Можно просто Павел.

– А это наш оператор Дмитрий Уточкин, – представила коллегу Анечка.

– Дмитрий Борисович, – сухо представился Уточкин, при этом отвернулся и не протянул руки.

Зверев улыбнулся и покачал головой.

– Ну что ж, поскольку мы познакомились, скажу, что имею желание задать вам несколько вопросов. Позвольте присесть?

– Разумеется! – воскликнула Анечка. Зверев занял место справа от нее. – Вы будете искать убийцу нашего режиссера? – воскликнула Анечка, ее глаза сверкали.

– По крайней мере, попытаюсь! Итак, раз уж вы меня раскусили, тогда вот мой первый вопрос: как давно вы здесь поселились?

– Живем мы тут уже четвертый день! Такое чудесное место, правда мы еще особо нигде не были. Первый день съемок был сорван! Теперь мы здесь прозябаем и не можем найти себе места! Один раз, правда, сходили в кремль, полюбовались местными красотами. А вот теперь чего-то ждем, но сами не знаем чего! Такая трагедия, очень жаль Всеволода Михайловича. Такой был талантливый человек и так рано ушел. У него ведь двое детишек остались. И, кроме всего прочего, никто толком не знает, что теперь будет с фильмом, вполне возможно, что его закроют...

– И такое может случиться?

– Всеволод Михайлович ведь был главной достопримечательностью этого мероприятия. Он столько сделал для того, чтобы снять этот фильм, он был его душой, а теперь... – продолжала сетовать Анечка. – Я даже не знаю, что будет теперь...

– Да ничего не будет, – фыркнул Уточкин. – Пришлют другого режиссера, и продолжим съемки. Головин уже уехал в Москву, уверен, недели не пройдет, как нам кого-нибудь пришлют.

– Кого же, по-твоему, нам пришлют? – поинтересовалась Анечка.

– Гордиевича... Может, Славинского, да мало ли на «Мосфильме» уникальных личностей?

– Ничего ты не понимаешь, Митенька, – Анечка надула губки. – Гордиевич, конечно, яркий режиссер и подает большие надежды, но он еще слишком молод.

Славинский же, наоборот, уже старый. Он ведь еще немое кино снимал.

- Качинский тоже начинал с немого кино!

- Да, но Качинский всю свою душу в этот проект вложил, у него столько идей было...

- Душу вложил, идеи у него были... И что? Придет новый режиссер, появятся новые идеи!

Зверев покашлял:

- Простите, вы, кажется, сказали, что ваш директор уехал в Москву? Это точно?

- Еще вчера вечером! - заверила Анечка.

- Ясно! - Зверев тут же вспомнил свою бурную ночь с Сонечкой Мосиной, усталость после бурных любовных утех и мысленно отругал себя за то, что дал Головину уехать, так и не поговорив с ним как следует.

- Хотел еще спросить: вы в этом общежитии одни живете?

- Что значит - одни? - не поняла Анечка.

- Я имею в виду, только актеры и съемочная группа? Или есть кто-то еще.

- Нет, только мы.

- А можете мне перечислить всех поименно?

- Могу! - Анечка стала загибать пальцы. - На первом этаже, как раз напротив комнаты Качинского, живет наша Сонечка...

- Вы имеете в виду Софью Горшкову, помощника режиссера? - уточнил Зверев.

– Да, она же у Всеволода Михайловича кем-то вроде няньки была: чай ему носила, лекарства и все такое. Чуть дальше по коридору живет Горшков, а напротив него Маргарита Юрьевна.

– А это кто?

– Маргарита Юрьевна Фирсова – наш главный костюмер. Дальше – моя комната, а следом – Митина.

– Хорошо, постараюсь запомнить.

– Еще на первом этаже, только в другом крыле, живут Аглая Денисовна Малиновская, наш мастер перевоплощения...

– Это наш гример, – с усмешкой уточнил Уточкин. – Эдакая знойная женщина, мечта поэта.

Анечка стукнула Митю в плечо:

– Хватит над ней насмехаться. Она же хорошая.

– А кто говорит, что плохая? Только болтает без умолку и в облаках витает, как школьница. Вы, товарищ милиционер, если пойдете ее допрашивать, будьте осторожны.

– Это еще почему? – насторожился Зверев.

– Она у нас женщина одинокая и очень любит таких brutальных красавцев! – снова хохотнул Уточкин, а Анечка тут же в очередной раз ткнула его кулаком.

– Хватит меня колотить! Сама же видишь, что я просто о нашей доблестной милиции забочусь!

Анечка надула губки:

– Вредный ты! Никуда я с тобой не пойду!

- Ладно-ладно, умолкаю...

Зверев, которому слегка наскучило воркование этих драчливых голубков, задал следующий вопрос:

- Со съемочной группой мы разобрались?

- Не совсем, - уточнила Анечка. - Напротив комнаты Малиновской живет наш отважный Феденька Быков.

- Это наш постановщик трюков. Кстати, тоже очень brutальный мужчина, - пояснил Уточкин с долей сарказма. - Анечка от него без ума...

- Ничего и не без ума! - щечки юной красавицы тут же порозовели и стали надуваться.

Зверев поспешил задать следующий вопрос:

- А кто живет на втором этаже?

- На втором у нас расположились актеры, - продолжила Анечка. - Это еще одна наша гордость - Борис Дорохов. Он, между прочим, народный артист РСФСР.

- А кого он играет?

- Воеводу Шуйского! Потом наша восходящая звезда Таисия Рождественская. Она играет племянницу боярина Пыхова.

- А его кто играет?

- Актер Михаил Зотов!

- Такой же противный тип, как и его персонаж, - вполголоса пробубнил Уточкин.

Анечка фыркнула, но на этот раз лишь махнула рукой.

– Потом Юра Семин – он играет сотника Платона. Илья Черноусов у нас играет Замойского.

– А это кто?

– Да вы что! Это же весьма известный исторический персонаж. Ян Замойский – это сам коронный гетман Войска польского, именно он и руководил осадой Пскова. Кто там еще у нас остался?..

– Артур Шахов играет немецкого дворянина Моллера. Это тоже отрицательный персонаж, – продолжил Уточкин. – И напоследок осталась Марина Жилина, которая играет Гризельду.

– А Гризельда – это кто?

– Третья жена Замойского, племянница польского короля Стефана Батория.

Зверев покачал головой:

– Что ж, так с ходу всех и не запомнишь!

– Если хотите, я вам вкратце сюжет фильма расскажу. Хотите?

– Давайте попробуем.

– Итак, январь 1582 года. Великий коронный гетман Королевства Польского граф Ян Замойский уже почти полгода безуспешно осаждает Псков. Находящийся в осажденном поляками Пскове боярин Пыхов ведет тайные переговоры с немцем Мюллером, являющимся первым советником и правой рукой Замойского. Хитрый боярин готов открыть городские ворота полякам, но за это требует высокую награду. Зная, что гетман недавно овдовел, Пыхов желает породниться с ним. В качестве награды за свое предательство боярин предлагает Замойскому в жены свою младшую дочь, красавицу Дарью. Гордый и спесивый гетман поначалу не желает и слышать о таком неравном браке, однако, увидев красавицу Дарью, меняет свое решение. Дарью, как я уже говорила, играет Рождественская. Когда проходили пробы, Качинский был ею буквально очарован.

– Что, и впрямь такая красавица? – заинтересовался Зверев.

Анечка поправила рукой свои косички:

– Очень красивая...

– Да перестань ты! – вновь вмешался Уточкин. – Таких, как она, на «Мосфильме» хватает!

– Замолчи, ты мешаешь мне рассказывать! Так вот, вернемся к сюжету. Сама Дарья не желает идти замуж за одного из знатнейших представителей польской шляхты, так как любит простого сотника Платона. Платон проникает в расположение польских частей и похищает возлюбленную из рук неприятеля и вместе с воинами воеводы Мясоедова прорывается в Псков.

– Мясоедова играет актер Гордей Хренников, но все эпизоды с ним уже отсняты, так что он у нас остался в Москве.

– Ну что ж, теперь мне действительно будет проще всех запомнить.

– Конечно, запомните, – усмехнулся Уточкин. – Вы ведь среди нас теперь убийцу искать станете. Так что наверняка с каждым побеседовать придется.

– Думаю, что и на этот раз вы правы.

– Вы будете среди нас искать убийцу! – Анечка хлопнула в ладоши. – Как интересно! Так это же настоящий детектив получается, совсем как у Агаты Кристи. Значит, вы у нас теперь как Эркюль Пуаро. Обожаю этого сыщика!

– Не разделяю твоего оптимизма, Анечка, – буркнул Уточкин. – Хотя я тоже люблю романы Агаты Кристи, но вовсе не желаю, чтобы меня постоянно допрашивали, и уж совсем не хочу, чтобы герои нашего детективного приключения стали один за другим умирать, как персонажи из книги «Десять негрят».

Анечка вздрогнула и с мольбой посмотрела на Зверева:

– А что, такое возможно?

Зверев покачал головой:

– Увы, следствие только начато, но мы уже имеем все основания полагать, что Качинский был отравлен. Так что вам всем, и в самом деле, нужно вести себя осторожно. И, кстати, чуть не забыл. Скажите, вечером, накануне отравления Качинского, вы были на собрании в фойе?

– Были, – ответила Анечка.

– А когда оно кончилось, куда вы пошли?

– Еще днем мы с Митей решили вечером прогуляться до кремля, но Всеволод Михайлович надавал нам в тот вечер столько заданий, что мы вынуждены были отменить все прогулки и пошли по своим комнатам.

– И в фойе вы не возвращались?

– Возвращалась, – тут же сообщила Анечка. – Забыла свою тетрадку.

– Когда вы вернулись за тетрадкой, в фойе кто-нибудь был?

– Нет! Я забежала, забрала тетрадку и пошла к себе.

– А вы, Дмитрий Борисович, возвращались в фойе?

– Какой он вам Дмитрий Борисович? – рассмеялась Анечка. – Зовите его просто Митя. Тоже мне – Борисович, может, хватит выпендриваться?

Митя снова фыркнул и отвернулся:

– Я не ношу с собой никаких тетрадок и ничего не забываю!

– То есть вы не возвращались? – переспросил Зверев.

– Весь вечер я был в своем номере и никуда не выходил, а что?

– Ну что ж, спасибо, – Зверев попрощался с ребятами и вошел в подъезд.

Глава четвертая

Дверь открыла жгучая брюнетка с родинкой на щеке. В руке она держала надкусанную шоколадную конфетку «Мишка на севере». Павел Васильевич с трудом сдержал улыбку, вспомнив о том, что ему накануне сообщил Митя Уточкин, явно намекая на сходство Аглаи Малиновской с героиней популярного романа писателей-сатириков Ильфа и Петрова.

«Пожалуй, с этим сравнением ворчливого очкарика-оператора стоит согласиться», – подумал Зверев, разглядывая знойную даму.

Стрижка каре, ярко покрашенные губы и зеленые глаза с длинными ресницами дополняли огромная грудь и двойной подбородок. Зверев не исключил, что когда-то эта темноволосая брюнетка и привлекала к себе восторженные мужские взгляды, однако малоподвижный образ жизни и любовь к сладкому сделали свое нехорошее дело. При росте примерно метр шестьдесят пять, весила Аглая Денисовна никак не меньше центнера и сильно смахивала на футляр от контрабаса. На вид ей было около сорока пяти. Одета в шелковый сиреневый сарафан с тонкими бретельками. На ногах – замшевые туфли с помпонами.

– Аглая Денисовна?.. Здравствуйте, – томным баритоном поздоровался Зверев. – Я из милиции. Позвольте войти?

Аглая Денисовна оглядела гостя с головы до ног и, оставшись довольной результатами осмотра, отступила.

Они вошли в комнатку, уставленную вешалками со всякого рода одеждой. Помимо кровати и двух шифоньеров, здесь были два массивных фонаря, у стены – огромное зеркало. На столике, у окна, стояла вазочка с конфетами.

– Простите за беспорядок и тесноту! Мне часто приходится работать прямо здесь, поэтому мое жилище сейчас напоминает гримерку, – женщина подошла к журнальному столику и взяла в руки вазочку. – Могу я вам что-нибудь предложить? Чай? Кофе? Вот, есть конфеты. Не хотите, тогда могу предложить очень хороший армянский коньяк.

– Простите, я на работе, – тактично отказался Зверев и уселся на вытертый суконный стул, предложенный хозяйкой.

Малиновская уселась в кресло, вздохнула, взяла с подоконника какой-то модный журнальчик и стала обмахиваться им как веером.

– Итак, если я правильно понимаю, ваш визит связан с этой ужасной смертью нашего режиссера. Боже мой, какая невозвратимая потеря! Умер такой человек... Кстати, у вас ведь наверняка уже есть подозреваемый?

– Качинского отравили, и яд ему подала ваша Софья Горшкова в стакане с содовым раствором. Вот все, что нам пока известно.

– Вы считаете, что Софья убила Качинского?

– Я думаю, что она сделала это не умышленно. Она не знала, что в стакане яд. Или я ошибаюсь? Как вы думаете, Софья могла убить Качинского умышленно?

– Боже упаси! Чтобы Сонечка убила Качинского! Это что-то из области невероятного.

– Почему?

– Потому что эта уже вполне взрослая женщина, как и десятки глупых девочек, которые работают у нас на «Мосфильме», была влюблена в нашего режиссера! Он, конечно же, ей не оказывал взаимности. Поэтому, прекрасно это осознавая, Сонечка просто хотела быть рядом со своим кумиром. Она ведь числится у нас помощником режиссера, а это довольно серьезная должность. Помощник режиссера в обычной практике занимается организацией постановок, планированием, обеспечением реквизитом и прочее и прочее!

– И Горшкова всем этим не занималась?

– Почему нет? Очень даже занималась и проявляла настоящее рвение. Для Качинского она, помимо всего прочего, была еще своего рода нянькой: варила ему кофе, готовила завтраки, делала для него этот ужасный содовый раствор. Именно поэтому ее почти никто не воспринимал как руководителя. – Малиновская манерно покачала головой. – И все из-за ее несчастной безответной любви.

– Насколько я знаю, Качинский был женат.

– Трижды! Только это не мешало ему волочиться за хорошенькими актрисами, многие из которых буквально таяли от одного его взгляда.

– А какие у вас с ним были отношения?

– На что вы намекаете?

– Вы эффектная женщина! Ну и...

– Я еще не выжила из ума, чтобы западать на таких ходячков, как Качинский. Пусть этим занимаются другие.

– А в этих стенах сейчас, помимо Горшковой, обитают эти самые другие?

Малиновская отвернулась и стала еще сильнее обмахиваться журнальчиком.

– Я, знаете ли, не люблю сплетен...

– Я не прошу вас сплетничать! Совершенно убийство, и, чтобы найти преступника, я должен четко представлять себе всю картину преступления.

– Ну, хорошо, я вам расскажу! Я совершенно точно знаю, что наша Мариаша была влюблена в Качинского до беспамятности.

– Вы имеете в виду актрису Марианну Жилину, которая играет Гризельду? – уточнил Зверев.

– Вообще-то изначально Жилина должна была играть Дарью, но в итоге эта роль досталась Рождественской.

– А как так вышло?

Малиновская посмотрела на Зверева исподлобья:

– У нашей Марианны был страстный роман с Качинским, и многие об этом знают! Все это длилось довольно долго. Марианна получала главные роли, сопровождала Качинского во всех его поездках, но как-то раз все изменилось. Случилось это, когда шел отбор актеров для нашего нового фильма. Как я уже сказала, никто не сомневался, что и на этот раз Качинский отдаст своей любовнице главную роль, но тут появилась эта Рождественская. Как только Качинский ее увидел, он буквально сошел с ума.

– А как вы думаете, такое случилось с ним впервые?

– Нет, конечно! Качинский менял своих фавориток регулярно, поэтому появление очередной роковой красотки в окружении нашего режиссера все посчитали делом обычным. Жилина получила роль Гризельды, а Таечка Рождественская была утверждена на роль Дарьи.

Зверев нахмурился:

– Если я правильно понял, то Гризельда – племянница Стефана Батория, а это значит, что она королевского рода. Разве не все актрисы мечтают сыграть принцессу?

Малиновская рассмеялась:

– В нашем кинематографе, чтобы выстроить себе кинокарьеру, совсем необязательно играть королев или принцесс. Орловой, например, славу принесли роли почтальонш и домработниц, а Ладыниной вообще пришлось играть свинарку, и – ничего. Дарья – это главная женская роль в новом фильме.

Дарья для Рождественской – это дорога в большое кино. Что же касается Гризельды, то в фильме она появляется лишь дважды, да и то в самом конце. По сценарию у нашей так называемой принцессы только две или три реплики, так что делайте выводы.

Малиновская отложила в сторону журнал, подошла к шифоньеру, достала оттуда пачку «Camel» и хрустальную пепельницу. Зверев щелкнул зажигалкой.

– Что же у нас тогда получается? Качинский бросил любовницу, нашел себе новую пассию, Жилина за это его наверняка возненавидела. Чем не повод покарать бывшего возлюбленного и не отправить его на тот свет?

Малиновская выпустила колечко дыма и снова опустилась в кресло.

– Если вас интересует мое мнение, то я не думаю, что Жилина могла убить Всеволода Михайловича! Она продолжала липнуть к нему, то и дело пыталась вызвать на разговор. Качинского это, конечно, раздражало. Он постоянно орал на Марианну, но та терпела обиды и вела себя как послушная собачонка. А вот что касается Рождественской, то Марианна ее возненавидела! Так что, если бы Марианна и решилась на убийство, она наверняка бы прикончила свою счастливую соперницу, а вовсе не бывшего любовника.

– А Рождественская могла убить Качинского?

Малиновская усмехнулась:

– Зачем ей это делать?

– Ну... если, как вы говорите, у них роман, то они могли поссориться и в результате... Качинский – звезда, человек с массой возможностей.

– Качинский обхаживал Таисию, как только мог. Зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Пока Качинский был жив, будущее Таечки было светлым, а вот сейчас ее карьера находится под угрозой! Теперь, я полагаю, Всеволода Михайловича заменит кто-то другой. Это будет либо Гордиевич, либо Славинский. Гордиевич – примерный семьянин, а Славинский слишком стар. Поэтому ни тот ни другой не попадет в ту же ловушку, которую ветреному

ловеласу Качинскому устроила наша Таечка.

- Хотите сказать, что новый режиссер может лишит Рождественскую заветной роли?

- Такое вполне возможно! Материалов с ее участием отснято не так уж и много. Таечка, конечно, красotka, но она не особо опытная. Более того, если новым режиссером будет Гордиевич, то он наверняка уберет Рождественскую и отдаст главную женскую роль Жилиной.

- Вы в этом уверены?

- Абсолютно. Гордиевич уже работал с Жилиной, и у них хорошие отношения. Что же касается Славинского, то они с Качинским, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Поэтому, когда Славинский узнает, как наша Таисия получила главную роль, он может выбросить ее из фильма просто, чтобы насолить Качинскому.

- Трудно насолить тому, кого уже нет в живых!

- Зато легко тем, кто был ему близок!

Зверев задумался и задал следующий вопрос:

- А что вы можете сказать об Анечке Дроздовой? Она могла желать Качинскому смерти? Она не входит в список тех, кто был от Качинского без ума?

- Анечка действительно была без ума от Качинского, но она восхищалась лишь его талантом, только и всего! Что же касается влюбленности... то я вам скажу, что наша маленькая Анечка влюблена совсем в другого мужчину... помоложе.

Зверев подался вперед и загадочно подмигнул собеседнице:

- Вы, конечно, говорите про Уточкина!

Аглая Денисовна рассмеялась, при этом все ее подбородки пришли в движение:

– Ничего подобного! Анечка влюблена в нашего постановщика трюков Федю Быкова, а с Уточкин^{ым} они просто приятели.

– А мне показалось...

– Ну и напрасно, – довольно резко перебила его Малиновская. – Митя обхаживает Анечку, как может, а она втайне сохнет по Феденьке!

– Если я правильно понял, Басов к Анечке равнодушен.

– Вы правильно поняли.

Зверев щелкнул пальцами и откинулся назад:

– И напоследок. Маргарита Юрьевна Фирсова – ваш ведущий костюмер! Все понятно. А что вы про Фирсову можете сказать? Она, наверное, тоже попала в лапы к вашему любвеобильному режиссеру.

Малиновская поморщилась:

– Вы не поверите! Если это и так, то я об этом ничего не знаю. Фирсова – она ведь такая... Не люблю ее! Она для меня темная лошадка. Так что уж извините.

Аглая Денисовна загасила сигарету и, развернув фантик, сунула в рот очередного «Мишку».

Зверев поднялся:

– Ну что ж, спасибо за интересные сведения, наверняка то, что вы мне рассказали, поможет нам в расследовании. И еще. Вы ведь тоже были на общем собрании в фойе, когда Качинский собрал всех накануне своего отравления.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стефан Баторий – король польский и великий князь литовский (1533–1586 гг.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharapov_valeriy/yadovitoe-kino

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)